

УДК 94 (470.6)

А. А. Панарин

РОЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СНАБЖЕНИИ СРЕДСТВАМИ ПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1925–1927 гг.

В статье рассматривается снабженческая деятельность сельскохозяйственной кооперации на Северном Кавказе в условиях кульминации новой экономической политики. Основное внимание уделяется обеспечению сельского населения средствами производства, начиная от простого инвентаря и заканчивая сложными машинами. Доказывается важность реализации этой задачи с точки зрения наращивания объемов сельхозпроизводства и увеличения товарной части зерновой продукции, необходимой для продовольственного обеспечения городского населения и ее экспорта как одного из главных источников поступления средств для индустриализации. Анализируются принимаемые советским государством меры по развитию снабженческой деятельности сельскохозяйственной кооперации, увеличению в ее объеме товаров производственного назначения. Приводятся сведения о достигнутых кооперацией результатах снабжения средствами производства сельского населения Северного Кавказа. Освещается роль сельскохозяйственной кооперации в

механизации сельского хозяйства региона, создании и деятельности различных видов производственных объединений крестьянства и казачества. Раскрываются основные проблемы и трудности в вопросах снабжения сельского населения средствами производства. Обращается внимание на усиление классово направленной проводимой политики большевистской партии в области снабжения деревни товарами производственного назначения и отрицательное ее влияние на деятельность сельскохозяйственной кооперации. Подчеркивается противоречивость результатов снабженческой работы сельскохозяйственной кооперации на Северном Кавказе в 1925–1927 гг., что объясняется влиянием как объективных трудностей восстановительного периода, так и проводимой руководством большевистской партии политики.

Ключевые слова: сельскохозяйственная кооперация, снабжение, средства производства, товарообмен, крестьянство, большевистская партия, Северный Кавказ.

Andrey Panarin

ROLE OF AGRICULTURAL COOPERATION IN SUPPLYING AGRICULTURAL POPULATION WITH THE MEANS OF PRODUCTION IN THE NORTH CAUCASUS IN 1925–1927

The article deals with the supply activities of agricultural cooperation in the North Caucasus in the context of the culmination of a new economic policy. The main focus is on providing the rural population with means of production, ranging from simple equipment to sophisticated machines. The importance of realizing this task is proved from the point of view of increasing agricultural production and increasing the commodity part of grain products necessary for food supply of the urban population and its export as one of the main sources of income for industrialization. It analyzes the measures taken by the Soviet state to develop the supply activities of agricultural cooperation, to increase the volume of industrial goods in its volume. Information is provided on the results achieved by the cooperation in supplying the means of production to the rural population of the North Caucasus. The role of agricultural cooperation in mechanization of agriculture in the region, the creation

and activities of various types of production associations of the peasantry and the Cossacks is highlighted. The main problems and difficulties in supplying the rural population with means of production are revealed. Attention is drawn to the strengthening of the class orientation of the policy pursued by the Bolshevik Party in the field of supplying the village with industrial goods and its negative impact on the activities of agricultural cooperation. The inconsistency of the results of the supply work of agricultural cooperation in the North Caucasus in 1925–1927 is emphasized, which is explained by the influence of both the objective difficulties of the recovery period and the policies pursued by the leadership of the Bolshevik party.

Key words: agricultural cooperation, supply, means of production, commodity exchange, peasantry, Bolshevik party, North Caucasus.

Середина 1920-х гг. в развитии страны характеризуется переходом от восстановления экономики к дальнейшему повышению уровня произ-

водительных сил. Для сельского хозяйства это означало более активное насыщение средствами производства, что должно было способство-

вать увеличению объемов сельскохозяйственной продукции, необходимой как для обеспечения потребностей населения и возрождающейся промышленности, так и выполнения планов экспорта зерна, прибыль от продажи которого являлась главным источником для осуществления индустриализации.

В связи с этим, советское государство придавало большое значение обеспечению сельского населения товарами производственного назначения. В русле проводимой политики происходило усиление роли кооперации, с помощью которой в условиях НЭПа осуществлялась экономическая смычка между городом и деревней. Так, состоявшийся в мае 1924 г. XIII съезд РКП(б) поставил перед кооперацией задачу обеспечения прочной связи между крестьянским хозяйством и социалистической промышленностью [10, с. 233].

В обстановке наступившей кульминации НЭПа происходило оживление хозяйственной жизни, увеличивались объемы производимой промышленной и сельскохозяйственной продукции, следствием чего явилось повышение роли торговли в экономике страны. С учетом активизации частнопредпринимательской деятельности, партийно-государственные органы большое значение придавали регулированию рыночных отношений, важным элементом которого являлась кооперация. В целях усиления ее позиций в 1924 г. были приняты меры, способствующие укреплению ее материального положения и развитию самостоятельности членов кооперации. К ним относились ослабление административного контроля вышестоящих органов, расширение возможностей для самостоятельной работы первичных кооперативов, материальное стимулирование торговой деятельности, в том числе в отношении снабжения сельского населения средствами производства.

Среди видов кооперации наибольшее значение в этой сфере приобрела сельскохозяйственная кооперация, основное предназначение которой заключалось в обеспечении крестьянства средствами производства. Между тем, до середины 1920-х гг. эта задача решалась явно недостаточно, что объяснялось отсутствием у сельхозкооперации достаточного количества товаров производственного назначения.

Данная ситуация была в полной мере свойственна деятельности сельскохозяйственных товариществ на территории Северного Кавказа. Существование проблемы удовлетворения потребностей сельского населения средствами производства особенно проявилось летом 1925 г., когда был получен высокий урожай зерновых. Крестьянство и казачество было готово через кооперацию осуществить обмен излишков зерновой продукции на необходимые для их производственной деятельности товары, однако последняя не могла обеспечить эти потребности, предлагая в основном товары широкого потребления.

Например, крестьяне хутора Водопадского, Горячеводского района, Ставропольского округа, вынуждены были прекратить сдавать продукцию

сельхозтовариществу, ввиду того, что последнее предлагало в качестве обмена лишь товары бытового назначения – вилки, ножи, тарелки и другие [5, л. 154]. На Дону, по свидетельству местной газеты, сельскохозяйственная кооперация занималась «чем угодно, только не прямой своей задачей» [13].

В такой ситуации со стороны центральных и местных органов власти осуществлялись меры по усилению снабжения сельского населения средствами производства. Так, в соответствии с принятым в апреле 1925 г. решением комиссии по работе в деревне при Северо-Кавказском крайкоме РКП(б) была поставлена задача расширения производства на территории Северного Кавказа товаров сельскохозяйственного назначения [17, л. 229].

В системе сельхозкооперации также проявлялось стремление к решению данного вопроса. Так, в июне 1925 г. на Чрезвычайном собрании уполномоченных Сельскосоюза перед руководством Кубанского окружного сельскохозяйственного союза была поставлена задача снабдить местные товарищества товарами производственного назначения [19, л. 16].

Для обеспечения большей доступности для населения реализуемых средств производства принимались меры по снижению розничных цен, в частности за счет уменьшения наценок на стоимость товара. Например, сельхозкооперация Армавирского округа в 1925 г. установила данные наценки в размере 12% от первоначальной стоимости товаров, Майкопского округа в размере 15%, Приазовско-Донского – 19,3%, Кубанского – 20,2% [21, с. 23].

Преодоление этой ситуации происходило в рамках кампании по снижению розничных цен, начатой в апреле 1924 г. по решению пленума ЦК РКП(б). В соответствии с ним органы кооперации должны были установить цены на товары ниже среднерыночных. В свою очередь пленум Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в январе 1925 г. принял меры по оптимизации работы кооперации, чтобы за счет этого снизить наценки на товары [29, л. 3].

В сельских районах региона местные партийные органы конкретизировали эти решения. Например, Зимовниковский райком ВКП(б), Сальского округа поставил перед кооперацией задачу рационализации работы аппарата управления с целью удешевления расходов, что должно было отразиться на снижении стоимости товаров [32, л. 17].

В целом со стороны кооперации розничные цены были снижены по 62 наименованиям товаров первой необходимости. В среднем в результате снижения цен первоначальная стоимость товаров уменьшилась на 10,6%. Однако в этом перечне отсутствовали товары производственного назначения, цены на которые практически остались неизменными. Немаловажным являлось и то обстоятельство, что кооперативы снижали стоимость товаров не за счет применения

более рациональных способов деятельности и мер по сокращению расходов на содержание административного аппарата, а за счет сокращения доли прибыли, получаемой в результате продажи товаров. В свою очередь это влекло за собой нарастание финансовых трудностей, снижение возможностей товариществ в накоплении собственных средств, убыточности кооперативной торговли, увеличении задолженностей товариществ и отсутствии рентабельности в их работе.

Кроме того, осуществляемая правительством кампания по снижению розничных цен приняла достаточно импульсивный характер и отличалась непродуманностью действий органов власти. В результате достичь поставленных целей, связанных с установлением эффективного механизма регулирования товарообмена, усилением материальной заинтересованности крестьянства в увеличении производства и реализации своей продукции, а также насыщении деревни промышленными товарами не удалось, что вызвало дальнейшее усиление недовольства со стороны сельских тружеников.

В такой ситуации сельхозкооперация не могла в полной мере выполнить возложенные на нее обязанности по снижению розничных цен. Сложность решения этого вопроса заключалась в том, что сельскохозяйственные товарищества не могли сократить расходы на свои текущие нужды и в отношении операций, связанных с доставкой товаров, их упаковкой и продажей. Серьезные препятствия в вопросах обеспечения торговой деятельности сельхозкооперации создавало и отсутствие необходимого объема и ассортимента выделяемых государственной промышленностью товаров, что вело к перебоям в снабжении сельского потребителя. В отношении поставщиков это, прежде всего относилось к государственным органам, которые предоставляли товариществам большую часть товаров.

Например, в Кубанском округе их доля в общем объеме поступающим товариществам товаров составляла 63,5%, тогда как от кооперативных организаций поступало 12%, от частных фирм - 9,2%, а от Кубселькредсоюза - 8,8%. Примерно такая же обстановка была в других областях Северного Кавказа. Так, в торговой работе сельхозкооперации Терского округа нередкими были случаи срыва условий договоров на поставку промышленных товаров, вопреки указаниям возросли накладные расходы на командировки, при закупке товаров слабо учитывались потребности крестьянства и казачества [18, л. 22]. В результате сельхозкооперация оказалась в числе отстающих по показателям снижения розничных цен. В отдельных товариществах были даже выявлены факты завышения установленных цен на промышленные товары.

Еще одной задачей, направленной на усиление работы сельхозкооперации по снабжению сельского населения средствами производства стало устранение параллелизма в ее деятельности с потребительской кооперацией. Одним из

проявлений данной ситуации стало повышенное внимание многих сельхозтовариществ к торговле товарами потребительского, а не производственного назначения.

Так, в селе Ново-Батайском Донского округа в марте 1926 г. местное сельхозтоварищество, невзирая на протесты потребительской кооперации, осуществляло торговлю галантерейными товарами [31, л. 10]. Сельхозтоварищество станицы Хадзыженской Майкопского округа активно торговало спиртными напитками [15, л. 51–52]. В целом по Кубанскому округу в системе сельхозкооперации торговля товарами широкого потребления составляла 70–75% [25, л. 39].

Главной причиной такой ситуации являлось стремление сельхозтовариществ улучшить свое финансовое положение за счет высокой оборачиваемости потребительских товаров и наличия большого спроса населения. Статистические данные показывают, что на территории Северного Кавказа общая степень реализуемости данных видов товаров в 1925 г. составила 84,48%, тогда как сельскохозяйственных товаров лишь 77,40% [6, с. 155].

В своем стремлении к получению большей прибыли некоторые сельхозтоварищества даже принимали решение перейти на устав потребительских обществ, что позволяло им преодолеть действующий запрет к торговле товарами потребительского назначения. В качестве такого примера можно привести Краснокубовское сельхозтоварищество Новочеркасского района, руководство которого пыталось перейти на устав потребительского общества [22, с. 418]. Таким же образом первичные кооперативы стремились решать вопросы, связанные с ликвидацией своей задолженности банкам по используемым кредитам.

С целью устранения параллелизма партийно-государственные органы предписывали сельхозкооперации сосредоточиться на снабжении деревни товарами производственного назначения. Координирующую роль в этом вопросе играли кооперативные комиссии при окружках РКП(б). Так, в мае 1925 г. данная комиссия, действующая при Черноморском окружке РКП(б) потребовала от окружного сельскохозяйственного союза полностью прекратить закупки товаров широкого потребления, а те, что оставались в его распоряжении передать потребительской кооперации [27, л. 25]. В Ставропольском округе подобному разграничению функций между сельскохозяйственной и потребительской кооперации способствовала ликвидация интегральных объединений в конце 1924 г., до этого объединявшая эти виды кооперации.

Вследствие указанных действий сельхозкооперация Северного Кавказа стала уделять повышенное внимание снабжению сельского населения средствами производства. Уже в конце 1925 г. ее доля в розничном товарообороте составила 62%. Доли частной торговли и односельчан уменьшились и составили соответственно 24% и 13%. Государственная торговля в товарообо-

роте занимала лишь 1% [12, с. 40]. Что касается продажи сельскому населению региона металла, леса, цемента и угля, то к началу 1927 г. в этих вопросах у сельскохозяйственной кооперации конкурентов практически не было, и она являлась единственным поставщиком этих важных видов товаров производственного назначения.

Большое значение придавалось сельхозкооперации в вопросах механизации сельского хозяйства. Важность этой задачи объяснялась отставанием наличной тягловой силы от постоянно растущих посевных площадей. Так, на Дону к 1925 г. посевные площади выросли на 17% относительно показателей 1917 года. Но оставались трудности в восстановлении поголовья тягловой живой силы: так, на одну лошадиную силу в 1917 г. приходилось 3,39 десятин земли, а в 1925 г., соответственно, – 5,98 десятин [33, с. 129].

В середине 1920-х гг. партийное руководство рассматривало вопросы механизации не только в русле подъема сельскохозяйственного производства, но и в связи с процессом коллективизации сельского хозяйства. Предполагалось, что сложные машины, в первую очередь трактора, привлекут внимание крестьян с точки зрения возможности существенного повышения производительности труда. Так как приобретение тракторов будет не под силу большинству индивидуальных хозяйств они будут вынуждены объединять свои средства и далее совместно использовать сложные машины в рамках машинных товариществ.

Постепенно у членов этих товариществ, как считали партийные идеологи, возникнет потребность в дальнейшем обобществлении средств производства, следствием чего станет повсеместное создание колхозов. Такие подходы к механизации сельского хозяйства были свойственны как высшим, так и региональным руководителям. Так, первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. И. Микоян считал, что технический фактор являлся определяющим в осуществлении широкой кооперации крестьянских хозяйств [28, л. 5].

В связи с этим, в условиях кульминации НЭПа единоличные хозяйства имели возможность приобретения тракторов без всяких ограничений. Более того, они могли использовать в этих целях предоставляемые государством долговременные кредиты. Такая ситуация объяснялась стремлением партийного руководства к развитию собственного НЭПу многоукладного хозяйства.

В 1924 г. на Северном Кавказе единоличники осуществили покупку 53,5% всех поступивших в продажу тракторов. Кооперация же смогла приобрести 24,4%, а госорганы 23,1% тракторов. В дальнейшем эта тенденция сохранялась. Так, к весне 1926 г. единоличники составляли в Кубанском округе 80% из записавшихся на тракторный заем [16, л. 67]. В июле 1926 г. из имеющихся в округе 702 тракторов 169 находились в индивидуальных хозяйствах [11].

Такая ситуация во многом объяснялась стремлением государственных торгующих организаций к получению прибыли за счет продажи тракторов. В этом отношении сельхозкооперация оказалась

ненадежным партнером, задерживающим выплаты и нарушающим сроки возврата предоставляемых кредитов. Единоличники, напротив, чаще всего выполняли принятые на себя обязательства. В связи с этим, в 1925 г. торговые организации стали продавать трактора индивидуальным хозяйствам, минуя кооперацию [23]. Еще одним каналом поступления тракторов единоличнику были слабые колхозы, которые в случае ликвидации продавали их индивидуальным хозяйствам. Например, в Терском округе в 1926 г. распавшиеся колхозы продали единоличникам 96 тракторов [4, л. 5].

Отвечом партийно-государственных органов на усиление позиций зажиточного крестьянства стали административные меры по ограничению его возможностей. Одной из таких мер стал запрет продажи тракторов индивидуальным хозяйствам в соответствии с постановлением Совета Труда и Оборона от 3 декабря 1926 г. Теперь такая продажа могла осуществляться только предприятиям, учреждениям и организациям, принадлежащих государству или кооперации [2, с. 72].

Местные органы брали под контроль выполнение данного постановления, препятствуя дальнейшей продаже тракторов зажиточным крестьянам. С другой стороны, создавались благоприятные условия для приобретения тракторов деревенской бедноте, при условии вступления последней в сельхозкооперацию. В том числе бедноте предоставлялся кредит сроком до четырех лет при условии внесения первоначального взноса от 10% до 50% существующей цены трактора [24, с. 13].

Такая политика не находила согласия у части коммунистов, а также хозяйственных руководителей кооперативных организаций. Так, заведующий сырьевым отделом Центросоюза А. Г. Губанов в своем письме, направленном в адрес членам политбюро ЦК ВКП(б) в апреле 1927 г., высказал несогласие с политикой ущемления хозяйственных интересов большей части крестьянства, принадлежащей к средним и крепким хозяйствам, отметив, что тем самым возможности для их дальнейшего развития серьезно ограничены [1, с. 201]. Однако, намечившийся поворот в политике руководства большевистской партии к использованию административных методов строительства социализма в деревне уже не соответствовал проявлению подобных позиций.

С 1927 г. машинное снабжение деревни стало рассматриваться преимущественно с точки зрения коллективизации сельского хозяйства. На сельскохозяйственную кооперацию были возложены функции основного поставщика средств производства в деревню. Так, в Кубанском округе доля сельхозкооперации в продаже машин и инвентаря составляла 80%, а в отношении тракторов она стала единственным их поставщиком [26, л. 74].

В это же время все в большей степени стал использоваться плановый подход в распределении тракторов по районам, при котором прежде всего учитывались потребности коллективизации. Так,

в Кубанском округе, в соответствии с политикой уплотненной тракторизации районов, большая часть тракторов получила распределение в Тихорецкий и Кореновский районы [7, с. 160].

Трактора предоставлялись для продажи различным производственным объединениям крестьянства, в том числе таким простейшим их видам как машинные товарищества. В конце 1927 г на Северном Кавказе действовало 1035 таких объединений, большинство из которых находилось в зерновых районах. Рост машинных товариществ был как раз и обусловлен большими масштабами приобретения сложной техники, вокруг которой происходило объединение индивидуальных хозяйств. Вместе с тем, последние в основном сохраняли свою самостоятельность и не стремились к устойчивым формам кооперирования. Проведенный анализ показал, что в это время все проводимые работы были обобществлены лишь в 4% машинных товариществ, а общественная запашка производилась в 28% из них. В большинстве же товариществ сложилась практика, когда их члены использовали трактора по очереди [3, л. 139].

Ввиду такой ситуации преимущественным правом приобретения тракторов в 1927 г. стали пользоваться колхозы, как наиболее приемлемая форма производственного кооперирования с точки зрения принятого руководством ВКП(б) курса на форсирование коллективизации сельского хозяйства. Так, октябре 1927 г. в Кубанском округе доля сельхозкооперации в снабжении колхозов составляла 29,2% от общей суммы приобретенных промышленных товаров. В отношении товаров производственного назначения этот показатель был еще выше и составлял 34%. Следовательно, одна треть приобретенных колхозами Кубанской области тракторов и других средств производства приходилась на систему сельхозкооперации [9, с. 96].

Несмотря на предпринимаемые усилия материально-техническая база большинства колхозов оставалась слабой. Отсутствие достаточного количества техники приводило к тому, что колхозы не могли в должной степени освоить землю, которая находилась в их пользовании. По Северному Кавказу в конце 1927 г. было освоено в общей сложности 36% обобществленной пашни, что являлось одним из самых низких показателей в стране [20, л. 87]. В тех же колхозах, куда поступало приемлемое количество тракторов, их применение часто являлось нерентабельным. Такая ситуация складывалась из-за наличия большого числа мелких колхозов, в состав которых входило не более 50 членов. Затраты на содержание тракторов здесь превышали получаемый от хозяйственной деятельности доход.

По указанным выше причинам сельхозкооперация не сумела добиться высокого уровня снабженческой работы и обеспечить деревню необходимыми средствами производства. О наличии данной ситуации, в частности, свидетельствует сохраняющийся дисбаланс между показателями ее сбытовой и снабженческой деятельности. Так,

в 1925/26 хозяйственном году продажа товаров в низовой сети сельхозкооперации Северного Кавказа была осуществлена на сумму 45951 тыс. руб., а сбыт сельскохозяйственной продукции или другими словами ее приобретение у крестьян 51522 тыс. руб. Следовательно, разница показателей между затратами на покупку сельхозпродукции и продажей промтоваров составила 5571 тыс. руб. В 1926/27 хозяйственном году эти показатели соответственно составили 50126 тыс. руб. и 58277 тыс. руб. Разница между указанными показателями возросла и составила 8151 тыс. руб. По союзной сети сельхозкооперации Северного Кавказа эти данные были еще более впечатляющими. В 1925/26 хозяйственном году продажа товаров была произведена здесь на сумму 20344 тыс. руб., а сбыт сельхозпродукции на сумму 57514 тыс. руб. (разница в 37170 тыс. руб.). В 1926/27 хозяйственном году эти показатели соответственно составили 29161 тыс. руб. и 107496 тыс. руб. (разница существенно возросла и составила 78335 тыс. руб.) [8, с. 248].

Приведенные данные показывают, что сельхозкооперация, как и раньше, в больших объемах приобретала сельхозпродукцию, не предлагая крестьянству равноценного эквивалента промышленной продукции и, прежде всего, различных видов товаров производственного назначения.

Достигнутые в 1927 г. результаты механизации деревни явно не соответствовали плану дальнейшего наращивания объемов сельхозпроизводства. Так, количество поступающих в деревню тракторов значительно уступало темпам прироста посевной площади [14]. Такое же отставание наблюдалось в отношении общего прироста тягловой силы, что было связано с восстановлением животноводства и увеличением количества животных, используемых в качестве тягла. Сравнительный анализ показал, что в 1926 г. доля совокупной мощности вновь поступивших в сельское хозяйство региона тракторов была 16% в общем объеме прироста тягловой силы, где преобладали домашние животные. В следующем 1927 г. этот показатель составил лишь 4% [30, л. 10].

В связи с этим, дальнейшие перспективы машиноснабжения деревни напрямую зависели от развития отечественного машиностроения и, в частности, тракторостроения. Обеспечить создание таких условий могла лишь масштабная индустриализация экономики страны, результатами проведения которой в 1930-е гг. стала техническая реконструкция сельского хозяйства.

Таким образом, в 1925–1927 г. сельхозкооперация, являясь основным поставщиком средств производства в сельские районы Северного Кавказа, сумела добиться заметных результатов в снабжении индивидуальных хозяйств и колхозов региона сложными машинами и инвентарем. В то же время, расширению масштабов этой работы препятствовали ограниченность имеющихся у сельхозкооперации финансовых средств и несоответствующее потребностям сельского хозяйства предложение реализуемых средств производства.

Источники и литература

1. А. Г. Губанов – членам политбюро ЦК ВКП(б) // Известия ЦК КПСС. 1989. №8. С. 200–202.
2. Булатов И. Г. Кооперация и ее роль в подготовке сплошной коллективизации. М.: Соцэкгиз, 1960. 200 с.
3. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 12.
4. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 17.
5. ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 22.
6. Горностаев Н. Н. Опыт исследования универсальных сельскохозяйственных товариществ // Северо-Кавказский край. 1925. №2. С. 153–157.
7. Коллективизация сельского хозяйства на Кубани. 1918–1927 гг. Сборник документов. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1959. 203 с.
8. Контрольные цифры народного хозяйства и культуры на 1928/29 г. // Северо-Кавказский край. 1929. №3. С. 245–257.
9. Кочкарова З. Р. Советская партийно-государственная политика в отношении сельскохозяйственной кооперации. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2002. 196 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1998-1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. в 16 т. Т.3. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1984. 494 с.
11. Красное знамя. 1926. 11 июля.
12. Кувшинов И. С. Рыночный оборот крестьянского хозяйства подсолнечно-зернового района // Пути сельского хозяйства. М.: Новая деревня, 1929. С. 37–45.
13. Молот. 1925. 9 мая.
14. Молот. 1928. 21 июля.
15. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-74. Оп. 1. Д. 3.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 69. Д. 9.
17. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 37.
18. РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 4.
19. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4106. Оп. 3. Д. 800.
20. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 1. Д. 40.
21. Сельскохозяйственная кооперация Северо-Кавказского края в 1924–1925 гг. Ростов н/Д: Крайсельсоюз, 1926. 105 с.
22. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: В 4 т. / под ред. А. Берловича, В. Данилова. Т.2. М.: РОССПЭН, 1998. 1168 с.
23. Советский Юг. 1925. 18 февраля.
24. Тютников И. И. Что получило крестьянство Северного Кавказа от Октябрьской революции // Известия Северо-Кавказского крайисполкома. 1927. №11. С. 10–17.
25. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 213.
26. ЦДНИКК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 436.
27. ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 634.
28. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 207.
29. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 226.
30. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 431.
31. ЦДНИРО. Ф. 11. Оп. 1а. Д. 7а.
32. ЦДНИРО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3.
33. Хятуль Ю. А. Казачьи хозяйства в условиях новой экономической политики 1920-х гг. // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С.124–134.

References

1. A. G. Gubanov – chlenam politbyuro TSK VKP(b) (*A.G. Gubanov to the members of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b)*) // Izvestiya TSK KPSS. 1989. No. 8. P.200–202.
2. Bulatov I. G. Kooperatsiya i ee rol' v podgotovke sploshnoj kolektivizatsii (*Cooperation and its role in the preparation of continuous collectivization*). Moscow: Sotsekgiz publ., 1960. 200 p.
3. State archive of recent history of Stavropol territory (GANISK). F. 5938. Inv. 1. D. 12.
4. GANISK. F. 5938. Inv. 1. D. 17.
5. GANISK. F. 5938. Inv. 1. D. 22.
6. Gornostaev N. N. Opyt issledovaniya universal'nykh sel'skokhozyajstvennykh tovarishhestv (*Experience in the study of universal agricultural partnerships*) // Severo-Kavkazskij kraj. 1925. No.2. P. 153–157.
7. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyajstva na Kubani. 1918–1927 gg. Sbornik dokumentov (*Collectivization of agriculture in the Kuban. 1918–1927 Collection of documents*). Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 1959. 203 p.
8. Kontrol'nye tsifry narodnogo khozyajstva i kul'tury na 1928/29 g. (*The control figures of the national economy and culture for 1928/29*) // Severo-Kavkazskij kraj. 1929. No.3. P. 245–257.
9. Kochkarova Z. R. Sovetskaya partijno-gosudarstvennaya politika v otnoshenii sel'skokhozyajstvennoj kooperatsii (*Soviet party-state policy regarding agricultural cooperation*). Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo publ., 2002. 196 p.
10. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsij i Plenumov TSK (1998–1988) (*The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1998–1988)*) / ed by A. G. Egorov, K. M. Bogolyubov. Vol.3 Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU publ., 1984. 494 p.
11. Krasnoe znamya. 1926. July 11.

12. Kuvshinov I. S. Rynochnyj oborot krest'yanskogo khozyajstva podsolnechno-zernovogo rajona (*Market turnover of the peasant economy of the sunflower-grain district*) // Puti sel'skogo khozyajstva. Moscow: Novaya derevnya publ., 1929. P. 37–45.
13. Molot. 1925. May 9.
14. Molot. 1928. July 21.
15. National Archive of Republic of Adygea. F. R-74. Inv. 1. D. 3.
16. Russian State archive of social and political history (RGASPI). F. 17. Inv. 69. D. 9.
17. RGASPI. F. 65. Inv. 1. D.37.
18. RGASPI. F. 631. Inv. 5. D. 4.
19. Russian state archive of economic history (RGAEH). F. 4106. Inv. 3. D. 800.
20. RGAEH. F. 7446. Inv. 1. D. 40.
21. Sel'skokhozyajstvennaya kooperatsiya Severo-Kavkazskogo kraja v 1924–1925 gg. (*Agricultural cooperation of the North Caucasus region in 1924–1925*). Rostov-on-Don: Krajsel'soyuz publ., 1926. 105 p.
22. Sovetskaya derevnya glazami VCHK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy: V 4 t. (*The Soviet village through the eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and materials: 4 Vol.*) / ed by. A. Berlovich, V. Danilov. Vol.2. Moscow: ROSSPEHN publ., 1998. 1168 p.
23. Sovetskij Yug. 1925. February 18.
24. Tyutnikov I. I. Chto poluchilo krest'yanstvo Severnogo Kavkaza ot Oktyabr'skoj revolyutsii (*What did the peasantry of the North Caucasus receive from the October Revolution*) // Izvestiya Severo-Kavkazskogo krajispolkoma. 1927. No.11. P. 10–17. (in Russian).
25. Documentation Center of the Recent History of the Krasnodar Territory (CDNIKK). F. 8. Inv. 1. D. 213.
26. CDNIKK. F. 8. Inv. 1. D. 436.
27. CSDNIKK. F. 9. Inv. 1. D. 634.
28. Center for Documentation of Recent History of the Rostov Region (CDNIRO). F. 7. Inv. 1. D. 207.
29. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 226.
30. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 431.
31. CDNIRO. F. 11. Inv. 1a. D. 7a.
32. CDNIRO. F. 44. inv. 1. D. 3.
33. YAkhtul' Yu. A. Kazach'i khozyajstva v usloviyakh novoj ehkonomicheskoy politiki 1920-kh gg. (*Cossack farms in the new economic policy of the 1920s.*) // Vestnik VolGU. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. Vol. 24. No. 4. P. 124–134.

Сведения об авторе

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / panarin.arm@mail.ru

Information about the author

Panarin Andrey – Doctor of History, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru